

А. В. Тоичкина

ДОСТОЕВСКИЙ, СТРАХОВ, НИЦШЕ В «ИСТОРИИ ДУХА» Д. И. ЧИЖЕВСКОГО

Круг работ известного слависта Д. И. Чижевского (1894–1977) о Достоевском насчитывает около 44 работ. Из них у нас наиболее известны две, опубликованные в сборниках А. Л. Бема «О Достоевском» (Прага, 1929, 1933)¹. Остальные же работы Чижевского о Достоевском у нас практически неизвестны, а они охватывают период с 1929 по 1975 г. Фактически, мы можем сказать, что Чижевский всю свою жизнь обращался к творчеству Достоевского, и ряд его работ является весомым вкладом в достижения мировой достоевистики. Являются они и частью созданной ученым историософской системы, которую он назвал «история духа»².

Самый насыщенный период в освоении темы Достоевского Чижевским можно условно обозначить как период с 1929 по 1936 г. Связан он, главным образом, с участием Чижевского в Семинарии по изучению Достоевского при Русском Народном Университете в Праге, которым руководил Альфред Бем. В этот период Чижевский напишет и опубликует более двадцати работ о Достоевском³. В 1936 г. во втором томе сборника памяти Николая Осипова «Жизнь и смерть» (тоже под редакцией Альфреда Бема) Чижевский опубликует статью «К проблеме бес-

¹ «К проблеме Двойника» и «Достоевский психолог». Кроме того, известен «Словарь личных имен у Достоевского», составленный А. Л. Бемом, С. В. Завадским, Р. В. Плетневым, Д. И. Чижевским и опубликованный во 2-м сборнике (Прага, 1933).

² В настоящий момент я занимаюсь подготовкой книги работ Д. И. Чижевского о Достоевском. Из 44 работ, составляющих полный корпус известных опубликованных работ ученого о Достоевском, 11 написано на русском, одна на английском, одна на хорватском и 31 на немецком языках. К настоящему моменту из иноязычных работ переведены и опубликованы 3 статьи Чижевского о Достоевском: «Шиллер и Братья Карамазовы» (1929), «Достоевский и западноевропейская философия» (1931), «Достоевский и просвещение» (1975).

³ Среди них такие работы, как: «Шиллер и Братья Карамазовы» (1929), «К проблеме Двойника. (Из книги о формализме в этике)» (1929) и «Достоевский-психолог» (1933), «Фольклоризм у Достоевского» (1931), «Голядкин-Ставрогин у Достоевского» (1930), «Масарик и Достоевский» (1931), «Достоевский и западноевропейская философия» (1931), «О генеалогии Достоевского» (1931), «Цитата из Гете у Достоевского», «О пародии у Достоевского» (1934) и др.

смертия у Достоевского (Страхов — Достоевский — Ницше)»⁴. Предваряют эту статью три небольшие работы, в которой рассматриваются разные аспекты этой темы. Опубликованы они в издании Фасмера «Zeitschrift für slavische Philologie»: «Der Teufel Ivan Karamazovs und N. N. Strachov»⁵, «Die Philosophie Ivan Karamazovs und Strachov» (1933)⁶, «Dostojevskij und Strachov»⁷ (1936). В 1939 г. Чижевский издает на русском языке монографию «Гегель в России»⁸, в которой целая глава посвящена Н. Н. Страхову. Сюжет Достоевского — Страхова — Ницше в этой главе также вполне обозначен.

В 1946–1947 гг. появляются два варианта брошюры Чижевского о Достоевском и Ницше: «Strachov — Dostojevskij — Nietzsche (Bemerkungen zum Problem der Beziehungen Nietzsches zu Dostojevskij)» (1946) и «Dostojevskij und Nietzsche. Die Lehre von der ewigen Wiederkunft» (1947). Первый вариант Чижевский распечатал в 25 экземплярах на печатной машинке, второй ему удалось издать. Второй он издал в серии «Deus et Anima». Эти две немецкие работы являются расширенными вариантами русскоязычной статьи «К проблеме бессмертия» 1936 г. Наиболее полным и законченным является последний немецкий вариант 1947 г. Различия в текстах немецкой и русской редакций состоят в том, что в варианте 1947 г. изменено название и добавлена первая главка, несколько изменены абзацы, один абзац (с кратким изложением биографии Страхова) добавлен⁹, обновлен аппарат ссылок.

Еще одно (пожалуй, заключительное) обращение к теме Достоевского-Страхова мы найдем в известном труде Д. И. Чижевского «Russland zwischen Ost und West. Russische Geistesgeschichte II. 18–20. Jahrhundert» (Hamburg, 1961)¹⁰.

При всем разнообразии и некоторой пестроте тем и сюжетов, связанных с Достоевским, очевидно, что тема Достоевского — Страхова — Ницше занимает особое место в ряде работ Чижевского о Достоевском. «История духа» ученого включает в себя несколько направлений: история мысли/философии, история литературы (история стилей), история языка и изобразительного искусства. Более всего работ у него написано по истории мысли и литературы у славян. И более всего его привлекает сравнительный аспект исследования: духовное единство и взаимодействие славянской и западноевропейской культур. Достоевский оказывается героем сразу двух направлений «истории

⁴ Библиография работ Чижевского о Достоевском, составленная мною при деятельном участии Романа Мниха, опубликована в сборнике «Достоевский. Материалы и исследования» (Т. 19.— СПб., 2010.— С. 53–57).

⁵ Der Teufel Ivan Karamazovs und N. N. Strachov // Zeitschrift für slavische Philologie.— Band X.— Leipzig, 1933.— S. 388–390.

⁶ Die Philosophie Ivan Karamazovs und Strachov // Zeitschrift für slavische Philologie.— Band X.— Leipzig, 1933.— S. 390–396. Literarische Lesefrüchte II: (11).

⁷ Dostojevskij und Strachov // Zeitschrift für slavische Philologie.— Band XIII.— Leipzig, 1936.— S. 70–72. Literarische Lesefrüchte IV: (37).

⁸ Немецкий вариант текста вышел в 1934 г.

⁹ Владимир Янцен объясняет возникновение второго варианта текста тем, что на снятии фамилии Страхова с обложки настаивал Владимир Шилкарский, издавший брошюру в своей научно-популярной немецкой серии (аргументация: «Страхова в Германии никто не знает — это конечно лишний серьезный повод говорить о нем *в тексте*, но не упоминать его в заглавии»). См.: Янцен В. Неизвестный Чижевский. Обзор неопубликованных трудов.— СПб., 2008.— С. 138–139.

¹⁰ Dostoevskij und die “Bodenständigkeit“ // Russland zwischen Ost und West. Russische Geistesgeschichte II. 18–20. Jahrhundert.— Hamburg, 1961.— 100–103.

духа»: истории мысли и литературы. Страхов и Ницше тоже являются весьма важными явлениями в историософии исследователя.

Николай Николаевич Страхов (1828–1896) — сильная фигура в истории мысли Чижевского: философ, религиозный мыслитель, активный борец с просвещенчеством¹¹. Надо сказать, что Чижевский очень пристрастен в отношении действующих в истории лиц. Его симпатии и антипатии очевидны. Так, Страхов и Достоевский принадлежат к лагерю борцов с позитивизмом и атеизмом в русской мысли 60–80-х гг., по Чижевскому — к лагерю его единомышленников. История в трудах ученого предстает как борьба идей, в центре которой вопрос о вере в Бога, религиозная проблематика.

Чижевский начинает раскручивать сюжет идейной взаимосвязанности Достоевского, Страхова и Ницше с небольшого комментария к словам Черта в «Братьях Карамазовых»: «Да ведь теперешняя земля, может, сама-то биллион раз повторялась; ну отживала, леденела, трескалась, рассыпалась, разлагалась на составные начала, опять вода, яже бе над твердию, потом опять комета, опять солнце, опять из солнца земля — ведь это развитие, может, уже бесконечно раз повторяется, и все в одном и том же виде, до черточки. Скучища неприличнейшая...» (15, 79) в небольшой заметке «Черт Ивана Карамазова и Н. Н. Страхов» (1933). В заметке указан источник идеи «вечного возвращения» у Достоевского: работа Страхова «Жители планет», и прокомментировано значение отсылки.

В статье 1936 г. «К проблеме бессмертия у Достоевского (Страхов-Достоевский-Ницше)» проблема смерти рассматривается как одна из центральных проблем религиозной и философской антропологии на всех этапах ее развития¹². В рамках данной статьи Чижевский останавливается на двух существенных аспектах темы бессмертия, равно важных как для Достоевского, так и для Страхова, а потом и Ницше: на идеях «вечного возвращения» и «сверхчеловека». Чижевский возвращается к рассмотрению разговора Ивана Карамазова с чертом: «черт Ивана Карамазова — один из аспектов просвещенства». В размышлениях черта о вечном повторении земли («Скучища неприличнейшая»¹³), как и в мыслях Ивана, происходит подмена «вечности неограниченной длительностью». Чижевский указывает на отсылку в словах черта у Достоевского к статье Страхова «Жители планет» (1860), которая являлась одним из звеньев в полемике Страхова с просвещенцами. В своих статьях Страхов пытался продумать и описать все перспективы философии просвещенства — «философии будущего». «Разумеется, для Страхова — и для Достоевского — мысль о вечном возвращении всего обесмысливает мир, лишает смысла и индивидуальное

¹¹ Термин «просвещенство», видимо, принадлежит самому Чижевскому. В рецензии на книги М. М. Бахтина и А. С. Долинина он писал по этому поводу следующее: «В России, конечно, не было таких ярких представителей “просвещенства” (так я называю вместе с В. В. Зеньковским мировоззрение русских “шестидесятников”, — дожившее, кстати, до наших дней), как Раскольников, Шигалев, Кириллов и Иван Карамазов» («Новый журнал». — № 81. — 1965. — С. 284).

¹² Жизнь и смерть. Сборник памяти д-ра Николая Евграфовича Осипова под редакцией А. Л. Бема, Ф. Н. Досужкова и Н. О. Лосского. Кн. 2. Статьи памяти Н. Е. Осипова. — Прага, 1936. — С. 27. Далее в скобках после цитаты указываю страницы по этому изданию. Я достаточно подробно анализировала эту статью в контексте своей работы «Концепция просвещения в работах Д. И. Чижевского о Достоевском» (Вестник РХГА. — Т. 12. — Вып. 3. — С. 204–205), поэтому в данной статье позволю себе только кратко остановиться на самых главных и необходимых положениях.

¹³ Достоевский Ф. М. Указ. соч. — Т. 15. — С. 79.

человеческое существование. “Вечное возвращение” заменяет мысль о бессмертии, или христианскую идею воскресения, увенчивающую земную жизнь, придающую ей смысл и в случае ее кажущейся бессмысленности, вечную длительность в наилучшем возможном виде — длительностью с постоянно повторяющимся содержанием — “скучища неприличнейшая”...» (с. 31). Эта идея развита Ницше в конце 80-х гг. XIX в. «Правда, Ницше делает попытку преодолеть бессмысленность “вечного возвращения”, безнадежность вечной длительности. Ницше не просвещенец и ищет путей к слиянию длительности с вечностью» (с. 31).

Вторая мысль Достоевского, которая предвосхищает Ницше и оказывается в центре исследования Чижевского,— идея «высшего человека», сверхчеловека (черт напоминает Ивану его юношескую поэму «Геологический переворот»). «Высший человек» должен сменить «недоделанного, пробного». «Именно этот высший человек преодолевает ограниченную точку зрения нашего “эвклидовского ума”. И именно он <...> сделает ненужным бессмертие и сам откажется от стремления к бессмертию. Этому не противоречит, конечно, идея “вечного возвращения”, так как вечное повторение все совершается во времени; готовность жить вечно повторяющуюся жизнь есть наивысшее для человека возможное приятие временной жизни. Высший человек делает, разумеется, ненужным и бессмысленным не только бессмертие, но и земное существование “пробного”, “недоделанного” человека» (с. 32). Чижевский сравнивает постановку проблемы «высшего человека» у Достоевского — Страхова — Ницше: «Страхов останавливается здесь только на биологическом аспекте идеи “высшего человека”; у Ницше биологический аспект присутствует, но играет подчиненную роль; Достоевский биологическую точку зрения вообще исключает из рассмотрения — “геологический переворот” (слово, несомненно, взятое у Страхова) является для Достоевского только символом переворота религиозного и этического. И значением этого переворота, как мы видели выше, является отказ человека от бессмертия, от вечности» (с. 34). Отрицание человека, его центрального места в мире и истории, отрицание абсолютной значимости разумного знания, единства религиозно-нравственного мира являются идеями просвещенской философии, воплощенными Достоевским в образах Ивана Карамазова, черта и Смердякова. Достоевский, как и Страхов, предвидел будущее этих идей и боролся с ними. Достоевский пережил просвещенство на собственном опыте. «Но центр полемики Достоевского против просвещенства лежит в несколько другой плоскости <чем у Страхова — А. Т.>. Он переключает проблематику Страхова из плоскости *теоретического* философствования (за которым скорее чувствуется, чем непосредственно видна, проблематика религиозная) в плоскость *религиозно-этическую*. И в этой плоскости религиозно-этической на первый план выступает проблема бессмертия, проблема теснейшим образом связанная с основной проблемой всего творчества Достоевского, проблемой полноты и полноценности человеческого конкретного существования: проблема бессмертия у Достоевского представляется нам христианской транскрипцией той проблемы, которая занимала Достоевского уже в ранних произведениях» (с. 38). Необходимо отметить, что наблюдения Д. И. Чижевского над значимостью контекста работ Страхова для религиозно-философского смысла романа Достоевского так до сих пор не введены в научный оборот в нашем отечественном достоевковедении.

В 40-е гг., как может показаться, на первый план в разработке темы Достоевского у Чижевского выходит проблема Достоевского и Ницше. В 1946–1947 гг. Чижевский

создает два уже упомянутых выше варианта статьи о Достоевском, Страхове и Ницше. В 1947 г. выходит окончательный вариант его брошюры «Dostojevskij und Nietzsche: Die Lehre von der ewigen Wiederkunft». Но оба варианта восходят к русскоязычному тексту статьи 1936 г. Тема же Ницше в истории духа Чижевского не исчерпывается контекстом достоеведческих работ слависта¹⁴.

В статье 1929 г. «Гегель и Ницше»¹⁵ Чижевский рассматривает место Ницше и его философии в истории мысли, в частности, в истории немецкой идеалистической философии. Чижевский отмечает полярную противоположность Гегеля, «конструктора систем», и Ницше, выразителя «философии жизни»: Гегель — «рационалист», «панлогист», философия Ницше иррациональная, релятивистская; Гегель — философ протестантизма, Ницше — воинственный атеист и «антихристианин» (с. 321). И, тем не менее, Ницше «кровно сроднен с “немецким идеализмом” вообще и философией Гегеля в частности» (с. 322–323). Подход в аспекте кровной близости и преемственности позволяет Чижевскому не только исследовать «кровное родство», но и резко обозначить своеобразие каждого из философов. Он рассматривает следующие контрапункты близости философских учений Ницше и Гегеля: диалектика и релятивизм (философия истории), концепция иерархии человеческих типов (идея сверхчеловека), проблема морали, в частности, критика кантовской этики, критика христианства (речь идет о критике христианства некоторых последователей Гегеля, а именно Бруно Бауэра и его трактата «Неприкрытое христианство»).

Чижевский отмечает, что Ницше при определенном следовании за Гегелем (Трельч) понимает диалектику «не как теорию логических противоречий, а как теорию эволюции во времени. <...> Желая выразить свою собственную диалектическую концепцию истории, Ницше говорит: “За действием, деянием, становлением нет “бытия”; деятель будет найден потом, действие есть все”» (с. 327). Чижевский отмечает момент кажущегося сходства двух диалектик, так как «Гегель подает ее <свою диалектику — А. Т.> как “движение” идей вне времени. Осовремененное “гераклитство” Ницше имеет в лучшем случае несколько общих точек с таким же образом “материалистически осмысленной” диалектикой левогегельянцев. И тут аналогия исчезает. Гегель и Ницше развивают как раз разные, и даже противоположные стороны философии Гераклита, и искать тут истинное подобие было бы ошибкой» (с. 328).

Релятивизм Ницше, по его собственному утверждению, сроднен с релятивизмом Гегеля. «Каждой эпохе свойственна своя истина, своя логика, своя философия. “Что нас отличает от Канта, так же, как и от Платона и Лейбница, так это то, что даже в царстве духа мы мыслим исключительно про становление... Единственная

¹⁴ Круг работ Чижевского, непосредственно посвященных Ницше, очень невелик, но занимает с моей точки зрения значимое место в основных тематических рядах его «истории духа»: во-первых, это тема истории западноевропейской философии («Hegel et Nietzsche», 1929, «“Übermensch”, “übermenschlich”: zur Geschichte dieser Wörter und Begriffe», 1930). Во-вторых, это тема нигилизма (просвещения). Тема нигилизма рассматривается Чижевским в контексте истории взаимных влияний русской и западной, в частности, немецкой мысли. Концепция «просвещения» складывается у Чижевского в процессе его диалога как с Гегелем, так и с Ницше.

¹⁵ Hegel et Nietzsche // Revue d'histoire de la philosophie.— Paris, 1929.— P. 321–347. Украинский перевод этой статьи Чижевского опубликован в: Дмитро Чижевський. Філософські твори у чотирьох томах.— Київ, 2005.— Т. 4.— С. 339–360. Далее в скобках после цитаты указываю страницу по тексту первой публикации статьи на французском языке; перевод мой.— А. Т.

философия, которую я еще признаю,— это особенная разновидность истории, способ описывать идею становления Гераклита и излагать его при помощи символов”. В истории противоположные истины сражаются одна против другой» (с. 328). Чижевский, отмечая внешнее сходство, указывает на принципиальное различие между пониманием релятивизма обоих философов: «У Гегеля любая конкретная истина приобретает характер абсолютной. Даже в «образах духа» (Gestalten des Geistes), которые отрицает Гегель, он ищет «истину». Согласно Ницше, все относительные истины в конце концов обнаруживают свою ошибочную природу. Для Гегеля история идей — это «Пантеон духа», для Ницше — она является цепью ошибок и безумств; пройдя через бесконечные пласты времени, разум не создал ничего, кроме ошибок... Гегель трактовал свою «неаристотелевскую» логику как абсолютную истину. Ницше почти не верит в абсолютные истины» (329). Состоятельность логики и знания заключается, по Ницше, не в истинности, а в его «жизненной необходимости», т. к. помогает сохранить жизнь рода (с. 329).

Вопрос об иерархии человеческих типов. Сверхчеловек. С точки зрения Чижевского, именно в вопросе об иерархии человеческих типов Ницше подходит ближе всего к Гегелю. Именно поиск морального идеала в конкретном, высшем человеческом типе, в противовес посредственности, сближает концепцию «сверхчеловека» Ницше с некоторыми этическими понятиями немецкого идеализма (с. 330). Собственно, и сам термин «Übermensch», как отмечает Чижевский, «впервые был употреблен в философском значении в гегельянстве» (с. 331). Проблема «высшего человека» в истории мысли — проблема разрешения кантовского дуализма, противопоставления природы и свободы, склонностей и долга, чувств и разума. Гегель и Ницше сходятся в критике морали, «Гегель, чтоб наполнить абстрактные формы конкретным содержанием, прибегает к идее Бога, Ницше, вслед за Фейербахом, вопиет к “потребности”» (с. 336). Чижевский, конечно же, указывает на различие в итогах критики «концепции мира морали»: Гегель движется «к надындивидуальной морали (“Sittlichkeit“), к возвеличению государства; Ницше — к индивидуалистской идее, преимущественно “сверхчеловека”, человека “обособленного”, к отрицанию государства». Если Гегель слабость морали восполнил идеей силы («die Macht»), воплощенной в форме государства, то Ницше перенес акцент на человека: «метафоры Ницше выражают ту же самую идею силы и онтологической устойчивости, он характеризует человека <...> почти теми же терминами, которые использует и Гегель,— “сила” и “иная природа”» (с. 337). «Бездна», разделяющая Гегеля и Ницше — протестантскую теологию и «антихристианское» безбожничество, — остается огромной. Но общие черты помогают понять тесную связь Ницше с некоторыми последователями Гегеля (с. 338). И Чижевский в последней части статьи останавливается на этом вопросе. Он доказывает, что критика христианства Ницше выросла из философии гегельянства. В заключение, Чижевский возвращается к проблеме этики Канта, которая в истории мысли породила идею сверхчеловека. Для Чижевского положение Канта о двойственности природы человека является залогом идеи возможности его безграничного нравственного совершенствования, тезисом в пользу человека, а не против него. Справедливое утверждение имманентного бессилия морали как таковой, по замечанию Чижевского, приводит Канта к идее Бога, а атеиста Ницше — к отрицанию морали. А это значит, что проблема не в морали, а в выборе человеком его религиозного пути.

Учение о вечном возвращении самого Ницше, кажется, так и не анализируется Чижевским в его работах (ни в статье «К проблеме бессмертия у Достоевского»

1936 г., ни в немецкой переделке ее 1947 г., в названии которой именно оно и указано: “Dostojewskij und Nietzsche. Die Lehre von der ewigen Wiederkunft”). В немецком варианте статьи Чижевский четко определяет свой подход к проблеме Достоевского и Ницше: «Некоторые исследователи стремятся рассматривать весь вопрос об отношениях Ницше и Достоевского с “генетической” точки зрения: как известно, Ницше в последние годы своей жизни познакомился с произведениями Достоевского во французском переводе, был восхищен их психологической глубиной и неоднократно описывал свои впечатления от них в переписке. Решение “генетической” проблемы вовсе не так просто, поскольку Ницше нигде не сообщает *точно, какие* именно из произведений Достоевского он читал, но есть вероятность, что он прочитал «Записки из подполья», «Идиота» и «Записки из Мёртвого дома». Эти произведения едва ли содержат параллели к идеям Ницше, хотя он, как кажется, намекает на роман «Идиот» в некоторых фрагментах своего «Антихриста» (Бенц). Но что именно Ницше знал об этом из Достоевского, представить тем сложнее, что идея “вечного возвращения” изложена у Ницше в тесной взаимосвязи и соединении с древнегреческой традицией, а идея “сверхчеловека”, как и само слово, жила еще в традиции левого гегельянства и появилась в сознании Ницше, когда возникла его “дружба в письмах” со стареющим левогегельянцем Бруно Бауэром (ср. мою работу “Сверхчеловек, сверхчеловеческое — к истории этих слов и идей”). В дальнейшем мы никоим образом не будем ставить вопрос чисто *генетически*. Это тем более неинтересно, поскольку Достоевский хотел бороться и боролся с теми идеями, которые Ницше провозглашает как “новое слово”, которое должно формировать будущее человечества: это выражено внешне уже хотя бы в том, что Достоевский дает идеям о “сверхчеловеке” проявиться в таких людях, в которых он видит проявление упадка: это Родион Раскольников (“Преступление и наказание”) и Иван Карамазов (“Братья Карамазовы”) — а идею “вечного возвращения” вкладывает в уста самому черту! Но мы хотим указать также и на то, что обе эти идеи придуманы не самим Достоевским, но его другом, интересным русским мыслителем Николаем Страховым, который, разумеется, высказывает обе идеи не как свои собственные, но как идеи, к которым, по его мнению, должна прийти западноевропейская философия, если она также последовательно, как и до того (1860) будет удаляться от традиций немецкого идеализма (Гегель) с одной стороны и от основ христианского теизма с другой. Страхов также в известной мере “предсказал” идеи Ницше, предвидел, что такие идеи — по его мнению, неверные и опасные — скоро могут быть высказаны»¹⁶.

В отношении учения о «вечном возвращении» Чижевский и в рамках немецкой статьи останавливается на констатации тезиса: «Правда, Ницше делает попытку преодолеть бессмысленность “вечного возвращения”, безнадежность вечной длительности. Ницше — не просвещенец и ищет путей к слиянию длительности с вечностью... Удалось ли ему эти пути найти, об этом не место говорить здесь» (с. 8). И больше, кажется, Чижевский к теме Ницше в своих работах не обращается.

Если Страхов и Достоевский были для Чижевского соратниками в духовной борьбе, разворачивающейся на просторах истории идей, то отношения с Ницше носили более сложный характер. При этом значение философии Ницше для «истории духа» Чижевского не сводимо к рассмотрению работ ученого, в которых так или иначе исследуется

¹⁶ Dostojewskij und Nietzsche. Die Lehre von der ewigen Wiederkunft. “Deus et anima”.— Bonn, 1947.— S. 2–3.

или затрагивается тема Ницше. Судя по всему, диалог Чижевского с Ницше оказался принципиально важным для философского становления Чижевского в 20-е гг. В это время он не только вырабатывает свою философскую систему¹⁷, но и ищет адекватную форму для ее воплощения. Именно во второй половине 20-х гг. Чижевский, видимо, в диалоге с Ницше, переосмысливает основные положения гегелевской диалектики и философии истории (об этом свидетельствует рассмотренная выше статья 1929 г. «Гегель и Ницше»). В 20-е гг. происходит окончательный поворот от формы философских работ «в чистом виде» к жанру историко-философского и историко-литературного исследования. Свое системное философское мировоззрение Чижевский и воплотит в форме «истории духа».

В случае с Чижевским трудно говорить о влиянии: ученые такого масштаба сами отбирают нужный им материал, а ненужный отбрасывают¹⁸. Но, видимо, именно философия Ницше сыграла принципиальную роль в переходе Чижевского от исследования жизни абстрактного логического понятия в чистом виде к исследованию жизни идеи-понятия-образа в конкретно-исторической форме, в процессе исторического национального духовного становления. Отвергая крайности атеистических выводов Ницше, Чижевский во многом воспринял его понимание диалектики (идею становления), трактовку историзма, важнейшее для немецкого философа понятие символа, которое явилось центральным и для «истории духа» Чижевского. Учение Ницше о «вечном возвращении» тоже, судя по всему, нашло свое своеобразное преломление в принципах историософии ученого, что требует, конечно же, отдельного рассмотрения. В целом же выработанная Чижевским оригинальная форма «истории духа» явилась принципиально новой формой философского творчества и оказалась важным (пока еще не оцененным) вкладом в историю философии XX в.

Круг работ Чижевского о Достоевском позволяет осмыслить принципиально важные для историософии Чижевского сюжеты и факты истории литературы: отношения русской культуры и западноевропейской мысли, просвещения и религиозной философии, судьбу Шиллера в России, проблему реализма и специфику исследования источников и рукописей текстов призываний Достоевского. В этом круге работ особое знаковое место принадлежит диалогу идей Достоевского — Страхова — Ницше.

ЛИТЕРАТУРА

1. Достоевский. Материалы и исследования.— Т. 19.— СПб., 2010.
2. Жизнь и смерть. Сборник памяти д-ра Николая Евграфовича Осипова под редакцией А. Л. Бема, Ф. Н. Досужкова и Н. О. Лосского. Кн. 2. Статьи памяти Н. Е. Осипова.— Прага, 1936.
3. Словарь личных имен у Достоевского / Сост. А. Л. Бемом, С. В. Завадским, Р. В. Плетневым, Д. И. Чижевским.— Прага, 1933.

¹⁷ См. в связи с этим: Янцен В. Неизвестный Чижевский. С. 73–78. Рассматривая историю замысла книги «О формализме в этике» Чижевского, Владимир Янцен приходит к однозначному утверждению, что Чижевский был философом-систематиком. Но при этом он считает, что это «главное дарование» Чижевского осталось невостребованным (с. 78). Но, скорее всего, Чижевский воплотил свою философскую систему в оригинальной форме «истории духа».

¹⁸ Не случайно сам Чижевский очень критически относился к проблеме влияний. См., например, первый параграф его статьи «Шиллер и Братья Карамазовы» (1929).

4. Тоичкина А. В. Концепция просвещения в работах Д. И. Чижевского о Достоевском.— Вестник РХГА.— Т. 12.— 2011.— Вып. 3.
5. Чижевський Д. Філософські твори у чотирьох томах.— Київ, 2005.
6. Янцен В. Неизвестный Чижевский. Обзор неопубликованных трудов.— СПб., 2008.
7. Tschizewskij D. Der Teufel Ivan Karamazovs und N. N. Strachov // Zeitschrift für slavische Philologie.— Band X.— Leipzig, 1933.
8. Tschizewskij D. Die Philosophie Ivan Karamazovs und Strachov // Zeitschrift für slavische Philologie.— Band X.— Leipzig, 1933.
9. Tschizewskij D. Dostoevskij und die “Bodenständigkeit“ // Russland zwischen Ost und West. Russische Geistesgeschichte II. 18–20. Jahrhundert.— Hamburg, 1961.
10. Tschizewskij D. Dostojevskij und Nietzsche. Die Lehre von der ewigen Wiederkunft. “Deus et anima“.— Bonn, 1947.
11. Tschizewskij D. Dostojevskij und Strachov // Zeitschrift für slavische Philologie.— Band XIII.— Leipzig, 1936.
12. Tschizewskij D. Hegel et Nietzsche // Revue d'histoire de la philosophie.— Paris, 1929.